

— Ах, Глен-сама, — раздался женский голос. Глен медленно открыл глаза, услышав его. — Глен-сама. Глен-сама!

Девушка продолжила называть его имя, и Глен уже знал, что это Саюри. Он посмотрел в направлении ее голоса и понял, где он находится. Не в школе в Сибуре и не в Уэно, где он потерял сознание. Он был в горах Айти, где жили только род Ичиносэ и последователи «Имперской луны». В большом особняке в центре города Глен отдыхал в своей спальне. Саюри все время его сна сидела по другую сторону раздвижной двери, ожидая его пробуждения. Всегда, когда он получал ранения на тренировках, Саюри и Шигурэ по очереди заботились о нем. Девушка немного сдвинула дверь в сторону. Глен посмотрел на нее и попытался встать. Саюри внезапно расширила глаза.

— Вы, Вы очнулись! — ее голос был полон искренней радости. Саюри ринулась к нему в порыве, нет, более того, она бросилась на Глена и крепко его обняла. Из-за давления, которое оказывало ее хрупкое тело, грудь Глена вдруг начала болеть. Наверное, это из-за сломанных ребер. Левая рука тоже ощущалась тяжелой. Не только его пальцы, а все предплечье было в гипсе. Саюри почти плакала. — Вы не просыпались так долго, я была напугана до смерти. Глен-сама, Вы... были в коме целый месяц. Все, все говорили, что Вы не выйдете из нее, а я... Я никому из них не верила.

С ее слов Глен смог приблизительно разобраться в случившемся. Саюри не смогла удержать слез, стоявших в ее больших карих глазах, и ее лицо стало мокрым. Чтобы скрыть свое смущение, она положила голову на грудь парня и расплакалась. Глен чуть наклонился, чтобы посмотреть на нее.

«Уже прошел месяц? Сейчас должен быть июль. Довольно много времени прошло. На самом деле долгий период. С тех пор, как в Уэно ситуация изменилась буквально за минуту, упущенный месяц может стать смертоносной ошибкой». Глен нежно погладил девушку на своей груди по голове и сел в постели. Он хотел узнать точное время, но в его комнате не было часов. Но, судя по тьме, стоявшей за полуоткрытой раздвижной дверью, он мог сказать, что сейчас поздняя ночь. Глен спросил Саюри:

— Какое сегодня число? — но она все еще всхлипывала, уткнувшись лицом в его ключицы. Глен криво улыбнулся и стал ласково поглаживать ее по волосам, пока она не успокоилась. Затем он переспросил ее. — Саюри, какое сегодня число?

— Вы до сих пор беспокоитесь о дате в Вашем-то положении? — девушка подняла голову с его груди, и на ее заплаканном лице отразилось раздражение. — Пожалуйста, не ввязывайтесь больше в опасные ситуации. Вы всегда заставляете всех и каждого волноваться за Вас. Даже если бы у меня было несколько жизней, этого было бы не достаточно, я столько нервничала и плакала! Почему Вы просто не можете мирно жить здесь? Как Ваш отец, Сакаэ-сама, просто живет в своем особняке в тишине и покое вне всего этого безумия в центре Токио.

«Хах, Саюри меня отчитывает. Жить мирной жизнью... И действительно, это выбор. Пресмыкаться у ног семьи Хираги, жить в страхе как раб — я на самом деле этого не выбирал. Но это не для меня. Я даже никогда об этом не думал прежде».

— Следовать за мной по-настоящему опасно. Если ты больше не хочешь быть моей слугой, я могу освободить тебя и отправить обратно домой... — начал было Глен, но девушка сердито оборвала его на полуслове.

— Я никогда не хотела покидать Вас! И я не это имела в виду! — Саюри снова начала плакать. Она взглянула на Глена, и ее лицо начало краснеть. — Глен-сама, Вы всегда...

— Всегда что? — спросил он, когда Саюри внезапно замолчала. Но она так и не сказала ни слова больше. — Что «всегда»? Ну же, не останавливайся вот так на полпути.

— Глен-сама, вплоть до нынешнего времени Вы всегда... — она подняла брови и стала заикаться.

— Скажи мне.

— Всегда любили Хираги Махиру? — наконец-то задала свой вопрос Саюри. Когда она пересилила себя и сказала это, слезы потекли по ее прекрасному лицу, как будто они копились в ее глазах долгое время. — Причиной того, что Вы никогда не прекращали попытки обрести больше силы, было то, что Вы хотели забрать Хираги Махиру из ее дома?

Ее голос дрожал, и казалось, что она раздумывала об этом все это время. Глен молча смотрел на нее. Похоже, девушка до сих пор стеснялась, и она снова спрятала лицо на его груди.

— Мне... Мне так жаль. Я просто несу чушь и снова плачу... — она задохнулась от слез, и ее слова прервались. Глен покачал головой.

— Это все не имеет значение. Но ты права. Я делал все это только по одной эгоистической причине, как видишь...

— Нет, это не так! — снова прервала своего господина Саюри.

— Не так?

— Нет. Я вовсе не обвиняю Вас.

— А что тогда?

— На самом деле я ревную. Глен-сама, Вы по-настоящему любите Хираги Махиру, и я... Поэтому для меня не осталось места, — раздался еще один всхлип, девушка почти застонала. Она выглядела решительной. Глен устало ответил ей:

— Итак, что ты хочешь этим сказать?

— Да почему Вы так со мной разговариваете? Я действительно набралась огромной смелости, чтобы произнести это, — Саюри удивилась. Но тут Глен нахмурился и возразил:

— А разве это не я только что вышел из комы? Не втягивай меня в свои глупые разговоры.

— Глупые?.. Нет-нет-нет, обсуждать это именно сейчас, конечно, очень не разумно... — Саюри бросила на него взгляд, и тут же ее лицо стало ярко-алым. — Ах! Я нечаянно призналась!

«А теперь Саюри громко кричит. Она на самом деле такая шумная». Глен тут же захотел смеяться, но фактически смог только улыбнуться. Его ребра начали ныть, и Саюри заметила боль на его лице.

— Глен-сама, Вам больно?

— Нет. Все в порядке, — завидев ее беспокойство, Глен снова покачал головой. Она продолжила. — Тогда, Глен-сама...

— А сейчас что ты хочешь сказать?

— Я ведь не способна заполнить эту пустоту в Вашем сердце? — несмело спросила она, уставившись прямо на парня. Глен не ожидал от нее такого вопроса. После того исковерканного признания она стала серьезной.

«Кажется, Саюри приняла решение сказать мне об этом уже после моего пробуждения. Она выглядит сосредоточенно, но ее лицо пылает румянцем».

— Я действительно восхищаюсь Вами, Глен-сама.

Глен посмотрел на нее. Позади из приоткрытой раздвижной двери лунный свет падал на девушку, делая ее внешность очень привлекательной и изящной. «Если бы она не следовала за мной, то могла бы жить нормальной, счастливой жизнью старшеклассницы. У нее хороший стиль, она понятлива и одарена сказочной красотой. Такой девушке не нужно сражаться с врагами насмерть. И еще ей не следует любить такого парня как я, который может умереть в любой момент».

— Ты — дурочка.

— Любить Глена-сама — это такое глупое чувство, да? Ах. Я подумала об этом только дважды, — услышав слова Глена, Саюри улыбнулась.

— Ха-ха! Правда?

— Да.

— Я не могу ответить на твои чувства, Саюри, — ответил ей Глен. Неожиданно выражение лица Саюри изменилось.

— Тогда, тогда я на самом деле...

— Нет, это не значит, что я тебя ненавижу. У меня просто нет на это времени. И поэтому твои глупые намерения — словно наказание для меня. Так что ты должна сдаться.

— Н-но тогда это значит, что у меня все еще есть шанс?

— Нет. Я же сказал тебе прекратить и оставить свои попытки.

— Но Вы меня не ненавидите, верно? Таким образом, получается, что я Вам нравлюсь?

— И каков твой ход мыслей?

— Ах! Тогда не могли бы Вы еще раз погладить меня по голове? — Саюри была готова снова обнять его.

— Ладно, прекрати!

Затем раздвижная дверь отъехала в сторону, в комнату вбежала Шигурэ и отвесила Саюри знатный пинок. Та тут же разозлилась, а Шигурэ посмотрела на нее, прокатившуюся от удара по полу, и сказала низким голосом:

— Ты тайком прокралась сюда! Разве это уже не слишком? До твоего признания я защищала тебя как подругу, но теперь я не смогу этого делать!

— Но, Юки-тян, я просто хотела, чтобы мою голову погладили еще разок!

— И помимо этого ты, видимо, забыла, что Глен-сама целый месяц был в коме! Имей хоть немного самообладания!

— Ах, точно, — кивнула Саюри. Шигурэ перевела взор на Глена и спросила его:

— Глен-сама, как Вы? С вашим телом все нормально?

— Я в порядке, — ответил он, пошевелив ногами и руками.

Его тело было куда более гибким, чем можно было ожидать. Говоря в общем, быть прикованным к постели на целый месяц означало неизбежную слабость тела в дальнейшем, но с ним этого не случилось. Тогда Глен посмотрел на свою правую руку. Она полностью приросла, и пальцы остались подвижными и ловкими. Он сильно сжал ими коврик татами, и они даже пронзили его тростниковое покрытие. Затем в его голове раздался голос Махиру.

«Но ты больше не человек. Хотя твоя рука была разрублена наполовину, на ней даже не осталось шрама. Мало-помалу твоя душа...»

«Поглощается демоном Они» — вот что она хотела сказать.

Глен неотрывно рассматривал правую руку, а потом встал. Он закатал рукав своего юката*. В месте отсечения на предплечье на самом деле не было никакого следа или шрама.

— Моя рука... Что случилось?

— По-видимому, она была сломана, но Ваше тело и кости продемонстрировали великолепную эластичность. Заживление заняло всего две недели, — ответила Шигурэ.

«Она подумала про мою левую руку, хотя я имел в виду правую. Кажется, девушки ничего не знают о том, что случилось с отрубленной. Это значит, что до того, как я потерял сознание, моя правая рука уже была в полном порядке. Нет, даже перелом зажил. Левая рука пострадала от атаки вампира, но она исцелилась не так быстро. Но Шигурэ сказала, что они наложили гипс на левую всего на две недели. Разве в человеческие возможности входит такая ускоренная регенерация?».

— Дайте мне мой телефон. Один из тех, что не прослушивается.

Шигурэ вытащила маленький мобильник из кармана, он казался новым. Девушка всегда носила с собой несколько запасных аппаратов. Глен набрал на нем номер телефона лаборатории магических исследований «Имперской Луны».

— Глен-сама! Вы наконец-то очнулись!

— Да, простите, что заставил беспокоиться обо мне. На этот раз мне нужно, чтобы Вы кое-что сделали для меня.

— Что я могу сделать для Вас?

— Насчет расследования Кизу, мы все еще занимаемся им?

— Вы говорите... О Кизу? Но это проклятие не может быть изучено...

— Кое-кто преуспел в этом. Я коснулся их оборудования и могу быть проклят им, — прервал Глен человека на другом конце провода. Тот немедленно занервничал. — Поэтому нам нужно найти способ изучить его. Объектом эксперимента буду я. Разузнайте все о проклятии в моем теле, и тогда мы шагнем вперед в исследовании Кизу.

— Я понял. Когда мы сможем начать?

— Прямо сегодня.

— Да.

Глен нажал кнопку завершения вызова и повернулся к Саюри и Шигурэ, стоявшим рядом с ним.

— Скажите мне, часть тела химеры, которую я держал в руках, род Хираги забрал ее?

— Часть тела? Глен-сама, в Ваших руках не было ничего, похожего на кусок плоти, — они обе наклонили головы и немного подумали, прежде чем ответить ему. И тут Глен понял, кто забрал этот материал. Шинья.

— Саюри, ты не помнишь номер телефона Шиньи? — после того, как девушка скороговоркой выпалила ему ряд цифр, Глен тут же набрал их на маленьком мобильнике.

— Кто?.. — начал было Хираги, не сразу ответивший, но Глен ничего не ответил и быстро сбросил вызов. Затем Шинья перезвонил ему с другого номера.

— Ладно, кто ты такой? Не стоит волноваться о том, чтобы сказать что-то важное, потому что этот телефон не прослушивается.

— Потому что ты не так важен роду Хираги? — поддел его Глен.

— Ох, Глен! Ты в конце концов пришел в себя?

— Ага.

— Я даже думал, что ты умер. Мито никак не может перестать оплакивать тебя.

— Ха-ха. Со мной все в порядке.

— А теперь назови причину, по которой ты мне звонишь? Кусок тела химеры?

— Да. Так это ты его взял? Или люди из рода Хираги?

— Я его спрятал, — ответил Шинья.

— Тогда отдай обратно.

— Так я и думал, что ты это скажешь. Но я не настолько уверен, что смогу утаить такую посылочку от рода Хираги и «Храма Хякуя», пока доставлю ее в горы Айти. Поэтому, Глен, возвращайся скорее в Токио. Мне некому доверять здесь. И «Храм Хякуя» собирается наладить связь с нами. Потому что Махиру предала их, и они надеются получить некоторую информацию от нас. О Кизу и химере. Кажется, они и сами могут кое-что нам рассказать. Вместе со мной давай сокрушим род Хираги изнутри...

— Ты такой идиот. И слишком много говоришь, — оборвал его Глен и немедленно сбросил вызов.

С тех пор прошло десять дней. Уже была середина июля. Скоро наступят летние каникулы. Глен снова шел в свой класс в Первой старшей школе Сибуй. Но сейчас он ужасно опаздывал, уже было 8:15. Это была середина утреннего классного часа. Классная руководительница Айючи Сайа стояла прямо на возвышении у доски и что-то говорила ученикам. Глен открыл двери класса и вошел. Затем как по команде все ученики и учительница посмотрели на него. Разумеется, там были Мито и Гоши. Девушка выглядела удивленной, на ее лице было выражение абсолютного счастья и радости, и казалось, что она практически собирается плакать. Гоши тоже весело улыбался ему. Но Глен ни на кого из них не обратил внимания и просто прошел по классной комнате, присаживаясь за свою парту. Шинья, как всегда сидевший рядом с ним, поприветствовал его:

— Эй. Добро пожаловать обратно в школу.

— Просто заткнись.

— Ты немного опоздал.

— У меня было много своих дел.

— Правда? У меня тоже есть много чего интересного, о чем я хочу доложить тебе.

— Ох, ты так много болтаешь.

— А ты всегда говоришь одно и то же. Хех, но это не имеет сейчас значения. Пока ты был Спящей красавицей, война довольно далеко продвинулась вперед. Итак, объединим наши усилия воедино?

Услышав слова Шиньи, Глен оглядел классную комнату, а потом повернулся, чтобы выглянуть в окно. Он внимательно осмотрел стадион, а его расположение духа было таким же, как и безоблачное небо. Если то, что сказала Махиру, правда, если мир действительно ждет конец света на Рождество, тогда сейчас это последнее мирное лето для них. Уставившись на пронзительно яркое солнце, Глен тихо пробормотал самому себе:

— Моя война уже длится с самого моего детства.

Казалось, Шинья не расслышал его фразу, поэтому Глен больше ничего не произнес. Он только продолжил смотреть в окно и на солнце, которое, очевидно, желало усыпить всех людей своим жаром.

— Блять, жарко как в аду, — потихоньку объяснил соседу Глен. Время медленно уходило, секунда за секундой.

Перед концом света. Перед родом человеческим. Никто не хотел, чтобы этот день настал. Нет, никто даже и не думал, что он наступит. Однако, время перед Апокалипсисом быстро пролетит. После него останутся ли люди, способные сказать: «Человечество стало слишком высокомерным»? И будут ли другие, отвечающие им: «Люди совершили непростительный грех»? Их слова станут правдой в этой истории. До вымирания человечества, до конца звучания горна Серафимов, молот Божьей кары падет на этот мир. И выжившие, сражающиеся в будущем, с печалью назовут это историей любви.

<http://tl.rulate.ru/book/51601/1303923>